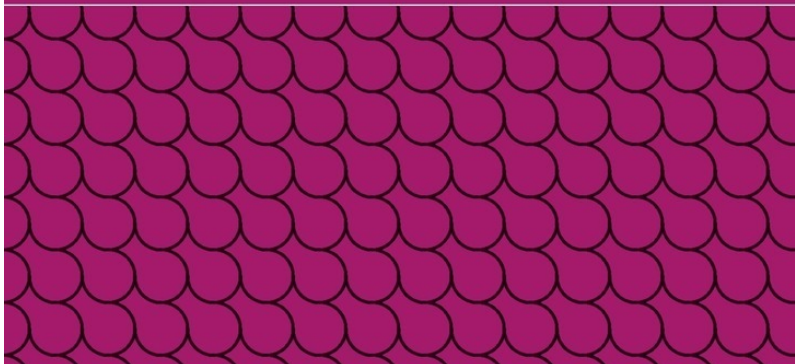

Людмила Островая

*Девочка
по имени
Магда*

повесть

Людмила Островая Девочка по имени Магда. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21160243

ISBN 9785448301315

Аннотация

Повесть основана на реальных событиях. Война глазами ребенка. Правдивая история о том, что довелось пережить маленькой девочке и ее маме за долгие четыре года войны.

Содержание

От автора	5
Индиго	6
Моя семья	10
Отчим	14
В Таганроге	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Девочка по имени Магда
Повесть
Людмила Островая

© Людмила Островая, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Порой реальная жизнь оказывается интереснее и драматичнее придуманных историй и закручивает такие невероятные сюжеты, что не осилить даже самому богатому воображению. Все события, описанные в этой книге, происходили на самом деле много лет назад. Героиня повести, слава богу, живет и здравствует. Ее непростая судьба достойна пера великого писателя, но поскольку рядом такового не оказалось, поведать эту историю миру придется мне. Решение вызревало постепенно и достаточно долго. Сначала я просто с большим интересом слушала её рассказы, иногда в девяносто девятый раз, затем посоветовала написать мемуары или обратиться за помощью к опытному журналисту. Но как-то все эти предложения тормозились разными обстоятельствами и не получили развития. Наконец, наступил тот переломный момент, когда я настолько прониклась ее воспоминаниями, что пришло твердое убеждение: эту книгу я должна, просто обязана написать сама. Повествование ведется от первого лица, чтобы передать размышления и настроение героини как можно точнее, но в чем-то, конечно же, проявилось и мое собственное восприятие тех далеких событий.

Индиго

С самого раннего детства я ощущала себя чужаком, непохожей на других. И это ощущение подпитывалось отзывами окружающих детей и взрослых. Как только меня не называли! «Белая ворона» и «чудо в перьях» – самые безобидные из моих прозвищ. Я не пыталась исправиться, чтобы соответствовать общему знаменателю, и не особенно-то комплексовала по поводу своей несуразности. Ну не как все, ну и что!

Уже взрослой я прочитала статью на тему психологии про детей «индиго» и поняла – это про меня. После статьи появилось какое-то двойственное чувство, вроде как успокоило то, что не одна я с приветом, а с другой стороны, даже немного задело, что, оказывается, встречаются в природе подобные типажи, и я не такая уж уникальная личность. Надо сказать, все точно совпадало с моим характером в детстве. Я росла маленькой бунтаркой, крайне любопытной, очень упрямой, скрытной и неусидчивой. Когда я еще не умела читать, мама, чтобы разучить со мной стишки, садилась на стул посреди комнаты, вслух читала, а я бегала вокруг нее и повторяла. Минута простоя для меня казалась невыносимой. Я не капризничала и не озорничала. Все мои поступки подстегивались исключительно любопытством и желанием испытать свои силы: смогу – не смогу.

С детсадовского возраста меня посещали философские умозаключения. Я смотрела, как прыгают и смеются дети, и думала с осуждением: «Какие же они глупые, веселятся, а ведь жизнь так коротка». Для своих лет я была слишком серьезной и рассудительной. Воспитатели часто привлекали меня в помощники, и я, как надзирательница, следила, чтобы дети во время тихого часа не разговаривали и лежали с закрытыми глазами. Пословицы и поговорки я перевирала по своему, придавая им новый смысл в своем понимании. Мои первые афоризмы: «утро вечера утреннее», «век живи – век лечись».

Мне легко давались предметы по точным наукам. Я даже помогала решать задачи по физике и математике своим друзьям старше меня на один-два класса. Мне нравилоськовыряться в различных механизмах, начиная с будильников и заканчивая двигателями. Став постарше, малость остепенившись, я стала много читать, читала взхлеб при любой возможности. В гостях, первым делом, спрашивала разрешения порыться в книжном шкафу. В одном из школьных сочинений, за которое получила оценку «отлично», я процитировала слова Базарова «искусство делать деньги или нет более геморроя». Мама прочитала мое творение, усмехнулась и спросила, знаю ли я, что такое геморрой? «Нет, – говорю, – не знаю, но думаю что-то революционное». Тайком от всех сочиняла стихи и вела дневник. Мама не одобряла мою наклонность к чтению, считала баловством, но не препятство-

вала.

Как все настоящие «индиго», я страдала обостренным чувством самоуважения и справедливости. В первом классе произошел такой случай. В диктанте я допустила ошибку, написала «ку-ре-ца». Учительница прочитала мою работу перед классом, и все дружно посмеялись, а потом еще и дразнились: «Эй, ты, курица!» Я пришла домой и сказала маме: «Ты можешь меня убить, но я в эту школу больше не пойду». И моя строгая мама, которую я боялась как огня, поняла, что в этот раз ей меня не сломить, на следующий же день забрала документы и отнесла в другую школу. В новой школе ко мне отнеслись более лояльно и одноклассники, и учителя. Если вдруг я пролезала под партами через весь ряд, чтобы взять у кого-нибудь карандаш, то наша классная руководительница Галина Федоровна, которую мы между собой любовно называли Галифе, говорила: «Дети, сидите тихо! Пожалуйста, не наступите на Кондратьеву!»

Я не играла в куклы, больше водилась с мальчишками. Могла постоять за себя и за других, кидалась на обидчика как кошка, не взирая на перевес сил противника. Но сама первой никогда не задиралась. Я была дворовой атаманшей, и все малявки бежали ко мне жаловаться и просить защиты. В детстве мне постоянно хотелось подпрыгнуть, куда-нибудь залезть, пробежаться. Энергия во мне бурлила и искала выхода. Казалось, руки как крылья, стоит взмахнуть, и я полечу. Однажды какая-то необъяснимая и непреодолимая сила

заставила меня забраться на высоченную акацию. Залезть-то залезла, а спуститься не могу. Уже вечер, пора домой, помочь некому. Делать нечего, обняла ствол руками и ногами, да и съехала вниз. Дерево старое было, кора толстая, грубая, в общем, я неделю ходила, раскорячив ноги. Страха не было совершенно. Все мои бесчисленные ссадины и синяки ничему меня не учили, боль быстро забывалась, и я опять, как одержимая, принималась за старое. В травматологическом пункте меня уже встречали как знакомую: «Опять Кондратьева! Что на этот раз?» Во время перевязки пожилой доктор Владимир Иванович грозно поглядывал через толстые линзы очков и предупреждал: «Будешь пиццать – усы зеленкой нарисую».

Единственное, чего я боялась, так это мамино наказание. Воспитывала она меня строго, даже, можно сказать, сурово. Частенько поколачивала. Не помню, чтобы она хоть раз обняла или сказала ласковое слово. Почему так сложилось? Для меня до сих пор нет ответа на этот вопрос. Может быть, одной из причин был неудачный брак с моим отцом. Волей-неволей я постоянно напоминала маме о нем. Мы никогда не выясняли отношений и не говорили на эту тему. Я уверена, что у нее и не было чувства вины передо мной. И хотя я всегда старалась для самоуспокоения найти маме какое-то оправдание, тлеющая обида где-то в глубине души так и осталась.

Моя семья

История моей семьи тоже необычная и запутанная. Моя мама была эстонка. Все называли ее Мета, и в паспорте стояла запись: Мета Рудольфовна, хотя ее настоящее имя – Меда. Мамины родители эмигрировали из Эстонии в город Карс, что на севере Турции, в поисках лучшей жизни. В двадцать пятом году надумали вернуться на родину. Маме тогда исполнилось девять лет. В одном из перевалочных пунктов на пути их следования, под Армавиром, стряслась беда. Один местный парень стал домогаться маминой старшей сестры, ей было шестнадцать лет, преследовал её по пятам, проходу не давал. Она избегала его, боялась. Однажды, когда она гуляла с полуторагодовалым братиком, он подкараулил их и обоих зарезал ножом. Бабушка не смогла пережить несчастье, вскоре умерла, а мама с дедом добрались до Таганрога, так и осели здесь. Все эти географические перемещения нашли отражение в маминой речи. Она разговаривала очень своеобразно: смесь эстонского акцента с южнорусским. Видимо, пережитое семьей горе повлияло на мамин характер. Возможно, она обращалась со мной слишком жестко, тревожась за мою жизнь. Да и поводов для беспокойства хватало: я была резвым ребенком, вечно с разбитыми коленками и царапинами. Хотя мама и держала меня в ежовых рукавицах, конечно, она заботилась обо мне. Ее строгость я

воспринимала тогда как должное, а наказания считала справедливыми. Она была для меня всем, и я страшно боялась ее потерять. В детском саду я говорила воспитательницам: «Я никому не доверяю, только своей маме».

Отца своего я совсем не помню. Фотографий тоже не сохранилось. Мама о нем никогда не рассказывала. Только иногда, после моей очередной выходки восклицала в сердцах: «Вот ведь кондратьевская порода!» Говорили, что он был красивый, высокого роста. У него была страсть – карты, которые его и сгубили. Интересно, что мои родители встретились на Дальнем Востоке, хотя оба были из Таганрога. Мама поехала туда в командировку по направлению завода метеоприборов, а отец отбывал там наказание в колонии-поселении за свои картежные дела. Он работал на предприятии, жил в общежитии, ему запрещалось покидать поселок. Скорее всего, мама сначала ничего и не знала о криминальной стороне дела. Отец был обаятельный, наверное, как все картежники. Маму он тоже заприметил не случайно: на такую девушку нельзя было не обратить внимание. Большие голубые глаза, пышные, волнистые волосы пшеничного цвета, никто не верил, что это натуральные кудри, думали перманент. Она хорошо шила, со вкусом одевалась, была стройной и долго оставалась моложавой. Когда я уже подросла, нас часто принимали за сестер. В пожилом возрасте она подсмеивалась сама над собой: «Сзади – пионерка, спереди – пенсионерка!»

Видимо командировка была продолжительной, потому что они там же расписались, в Таганрог мама вернулась уже в положении и поселилась у его родителей. Отец через некоторое время освободился, но вскоре опять попался, на этот раз в тюрьму. Больше его никто не видел, через несколько лет он там, в тюрьме, и умер. Бабушка рассказывала, что у него были математические способности и умелые руки, но он пошел по скользкой дорожке.

Кондратьевы относились к маме и ко мне хорошо, помогали, чем могли. Бабушка занималась знахарством. Люди обращались к ней за помощью, очевидно, лечение давало положительный результат. Она собирала и сушила травы, делала какие-то настойки и втирания, лечила заговорами. На летней кухне, постоянно что-то варилось, булькало, как в алхимической лаборатории. Приятно пахло ромашкой и чабрецом. Бабушка, маленькая, щупленькая, в белом ситцевом платочке, проворно сновала от одного чана к другому, помешивала кипящий отвар, что-то процеживала сквозь сито, растирала в ступке. На крючках под потолком висели пучки сушеных трав, корешков, цветов. Полки заставлены разнокалиберными пузырьками, баночками. Бабушка разрешала мне наблюдать за лечебными сеансами и поощряла мое любопытство. Она часто повторяла: «Вот подрастешь, передам тебе свои секреты». Однажды пришел мужчина с распухшим большим пальцем на руке. Бабушка дала ему пшеничный колосок и велела зажать в кулаке. Что-то нашептывала. Потом

стала в воздухе делать движения, словно вытягивала невидимую нить из больного пальца. И вдруг из пальца показался тонкий, как волос, длинный червяк. Бабушка подцепила его палочкой и бросила в печь. Целительницей я так и не стала, но несколько раз экстрасенсы, к которым я обращалась в разные периоды своей жизни, говорили мне: «Зачем Вы пришли? Вы сами можете других лечить!»

Отчим

Отчима своего я помню очень хорошо, хотя мне было всего три-четыре года. Звали его Василий Гуров. Высокий, сероглазый, с черными вьющимися волосами. Василий служил в НКВД, носил форму. Но даже в гражданской одежде по его выправке можно было догадаться, что он человек военный: подтянутый, четкий. Когда он приходил с работы, я с щенячьей радостью выбегала к нему навстречу, он снимал фуражку и надевал мне на голову. Возле порога оставлял свои сапоги с высокими голенищами, и тогда в них залезала я. Василий подшучивал: «Под мышками не жмут?» В таком виде, в сапожищах сорок пятого размера и фуражке, я отправлялась к соседям по квартире и, приставив ладонь к козырьку, отдавала воинскую честь. Соседи улыбались: «Здорово, командир!» Василий меня любил и относился с теплотой. Всегда приносил гостинчики и заступался, если мама уж чересчур строго наказывала.

Мне нравилось, когда он подбрасывал меня на руках. Я заливалась смехом и просила: «Еще, еще!» Однажды он не рассчитал траекторию полета, и я ударилась головой о потолочную балку. Реву было на весь дом! А Вася качал меня, прижав к груди и виновато приговаривал: «Не плачь, маленькая, ну прости меня дурака!» У Василия, как у главы семейства, было постоянное место за столом, а сидел он на табуретке

весьма оригинальным вывертом: одну ногу подкладывал под себя, а другую поджимал коленом до подбородка. В конце ужина Василий говорил: «Надя, наколоти-ка мне чаю». Это означало, что нужно положить в стакан с чаем сахар и размешать. С самым серьезным видом он объяснял, что чай будет слаще, если водить ложкой строго в одном направлении по часовой стрелке. Я преданно заглядывала ему в глаза и с удовольствием выполняла все его просьбы.

Иногда он показывал один и тот же фокус с монетами. Я просила у мамы мелочь. Василий сначала немного торговался, набивал цену, говорил, что с полтинником работать легче, чем с пятаком. Затем согнутую руку ставил локтем на стол и начинал энергично втирать в нее монету другой ладонью. При этом он уверял, что ему очень больно, делал страдальческое лицо, закатив глаза и закусив губу, и даже немного покряхтывал. Потом резко убирал ладонь, показывая, что ничего нет, и предлагал потрогать руку, убедиться, что монета волшебным образом внедрилась под кожу. Я осторожно надавливала пальцем указанное место, он опять очень правдоподобно изображал мучения от моего прикосновения. Потом, случалось, я находила монеты на полу, это вызывало у меня какие-то смутные подозрения, но все равно, не смотря ни на что, я продолжала верить Василию.

Как-то Василий пришел раньше обычного, мамы дома не было. Он лег прямо на пол и говорит: «Что-то я приболел. Кажется, у меня жар. Неси градусник». Я принесла.

Он поставил термометр, подержал, потом посмотрел и говорит: «Маловато. Принеси-ка спички. Щас сделаем температуру». Я вприпрыжку за спичками. Принесла. Он зажег спичку и стал разогревать градусник, да, видно, близко поднес пламя. Стекло лопнуло, мелкие бусинки ртути разлетелись по всему полу. Мы ползали на коленях, пытаюсь собрать их обрывком газеты. Я с восторгом глядела, как подвижные жидкие металлические шарики, соприкасаясь, сливаются в крупные блестящие капли. Часть ртути все-таки просочилась сквозь щели между половицами. Потом мама устроила нам разнос.

Когда я заболела желтухой и лежала в инфекционном отделении, он каждый день забегал в больницу. Посетителей внутри здания не пускали из-за карантина, только принимали передачу. Дети в больничной одежде, кто в пижаме, кто в халате, как маленькие арестантики, выглядывали из окон в ожидании своих родственников. Однажды Василий все-таки пробрался в отделение через черный вход. Увидев его, я так обрадовалась, бросилась ему на шею. Потом вдруг отстранилась и побежала назад в палату. Он кричит: «Надюша, ты куда?» А я быстренько сгребла свои вещички и снова к нему, как своему спасителю: «Забери меня отсюда!» Он прямо в лицо переменялся, так растрогался. Завернул меня в полушубок и собрался уходить, но тут прибежали медсестры и нянечки, давай его увещевать и стыдить: «Папаша, ну разве так можно! Ребенка надо лечить!» Наш дерзкий по-

бег сорвался. Василий вернулся домой расстроенный, мама на кухне лепила вареники, он сел напротив, прямо на стол с мукой положил руки, опустил голову и... заплакал. Эти подробности я узнала после выписки из больницы, мама рассказывала подруге, а у меня как всегда уши торчком, уж очень хотелось узнать, что там взрослые обсуждают. Василий был хорошим человеком, совестливым. Я думаю, он прекрасно понимал, что происходит в НКВД и в стране. Помню, как он иногда жаловался маме: «Мета, боюсь, я больше не выдержу!» Для такой работы у него был слишком добрый и мягкий характер.

В Таганроге

Мое детство и юность прошли в Таганроге. Спокойный приморский город. Много зелени. Частые сильные ветра. Жаркое лето и совсем не по-южному морозная зима. Через город в одноименных балках протекали две речки: Большая и Малая Черепаша. Это сейчас их почти полностью загнали под землю в ливнесточные коллекторы. В балке Большой Черепаше раскинулась дубовая роща, некоторые деревья сохранились еще с петровских времен.

Для меня центром мира был наш двор. Он объединял сразу несколько домов. Посреди двора росла огромная шелковица. Ствол был такой толстый, что два человека не могли его обхватить. Извилистые корни, как щупальца спрута, расползлись в разные стороны на поверхности земли. Раскидистая крона затеняла весь двор. Я любила залазить на дерево, есть сочные ягоды и раскачиваться на толстых ветках, за что неоднократно получала от мамы нагоняй.

Во дворе стояли две качели: лавка-качалка для малышей и подвесная, на прочных канатах, для детей постарше. С этими качелями связаны яркие эпизоды моего детства. В нашем доме жила Клавдия Семеновна, она работала кассиром на заводе. Семьи у нее не было. Обычная тетка лет пятидесяти, но если в праздники Клавдия Семеновна выпивала, то проявляла буйный темперамент. Один раз она раздухарилась

не на шутку: взобралась на большие качели и так раскачивалась, что боковые опоры скрипели и ходили ходуном. При этом она голосила песни, в основном, патриотической направленности. Платье развевалось, мелькали голубые панталоны. На бесплатный концерт собрались зрители, одни глядели из окон, лежа на подоконнике, другие сидели на лавочке во дворе и щелкали семечки. Кто-то пытался ее урезонить: «Клава, ну хорош! Упадешь ведь!» Она с гордым вызовом отвечала: «Упаду, так на советскую землю, и советские врачи меня спасут!» Активная фаза сменилась депрессивной. Клавдия Семеновна уселась за стол, где мужики играли в домино, начала лить слезы и жаловаться на все подряд: одиночество, непонимание, несправедливость. Высказав все претензии человечеству, она побрела домой, грустно поникнув головой. А на следующее утро, как ни в чем не бывало, бодро помахивая красным ридикюлем, шагала на работу.

На маленьких качелях отличилась я сама. Качались с подружкой, она на одном конце лавки, я на другом, все как положено, вверх-вниз по очереди. Подошел пацанчик постарше, подружку согнал, а сам с разбегу как скакнет на край качели! Меня резко подбросило вверх, я не смогла удержаться и брякнулась с качели прямо в песочную кучу. Рыхлый песок смягчил удар, но подбородок я все-таки разбила. Домой побоялась идти, новое платье в крови и грязи, пошла к подружке, ее мама постирала мое платье, смазала ссадину йодом. Только когда одежда высохла, я пошла домой.

Мы жили в коммунальной квартире на втором этаже. Детский сад летом закрывался на ремонт. Как-то мама ушла, а меня заперла на ключ от греха подальше. Погода теплая, во дворе ребяташки шумят, а дома одной скучно. Недолго думая, я вылезаю в открытое окно и по узкому карнизу лицом к стене, приставными шагами продвигаюсь к соседскому окну. А оно закрыто! Только небольшая форточка распахнута. Что же делать? Назад идти боюсь, вниз прыгать – слишком высоко, в три года это я уже соображала, ухватилась одной рукой за край форточного проема и стала звать соседку: «Тетя Оля! Тетя Оля!» Соседка в это время находилась на кухне, услышав мой голос, кричит мне в ответ: «Потерпи, мама скоро придет». Я опять: «Тетя Оля, идите скорее сюда!» Она поняла, что происходит что-то неладное, стала стучаться к нам. А дверь-то закрыта на ключ! «Надюшка, что случилось? Ты где?» Кричу: «Да, здесь я, у вас!» А сама еле держусь, вот-вот сорвусь. Она вбегает в свою комнату и видит меня за окном, повисшей на форточке. Соседка не растерялась, сразу хватить! меня одной рукой, другой открыла шпингалет и затащила в комнату. Когда маме доложили о случившемся, она была так поражена, что единственный раз в жизни не стала меня наказывать. Она привела наглядный пример. Подвела меня к окну и бросила вниз яйцо. Яйцо разбилось и разбрызгалось в разные стороны, а мама сказала: «Вот видишь, если бы ты упала, от тебя бы тоже осталось только мокрое место».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.